

В.Н. Дувакина

ПУБЛИКАЦИИ Е.Ф. КОРША В ЖУРНАЛЕ «АТЕНЕЙ» (1858–1859 гг.)

Анализируются публикации в журнале «Атеней» 1858–1859 гг. русского публициста, редактора, издателя, переводчика, идеолога либеральной западной мысли – Е.Ф. Корша. Рассмотрена история создания «Атенея», редактором которого был Е.Ф. Корш, а также публикации, о которых с точностью можно сказать, что они принадлежат его перу. Раскрывается полемический характер статей, который указывает на участие автора и руководимого им издания в важнейших общественных дискуссиях 1850-х гг.

Ключевые слова: Е.Ф. Корш; русская периодика 1850-х гг.; «Атеней»; общественные полемики.

Евгений Федорович Корш (1809–1897), публицист, переводчик, редактор и издатель, один из идеологов либеральной западной мысли, член московского кружка западников, принимал активное участие в издании многих известных газет и журналов, о чем свидетельствуют его богатое творческое наследие, до сих пор практически не исследованное и даже не собранное в полном объеме, а также воспоминания его современников. В данной статье рассматриваются публикации Е.Ф. Корша в журнале «Атеней» 1858–1859 гг.

* * *

19 июля 1857 г., после ухода из «Русского вестника», Е.Ф. Корш подал в Московский цензурный комитет прошение об издании с 1858 г. в Москве нового еженедельного журнала критики, современной истории и литературы под названием «Атеней. Журнал критики, современной истории и литературы». В приложенной к прошению программе указывалось, что «он будет заключать в себе: 1. Критические и библиографические обзоры замечательных произведений отечественной и иностранной литературы; 2. Хронику важнейших новостей в государственной и общественной жизни современных народов; 3. Статьи исторического содержания, записки, путешествия, рассказы, литературные заметки, ученые и художественные известия» [1. Л. 12].

Задачи, которые ставил перед собой журнал, были типичными для русских либеральных органов печати того времени – это освещение философских, эстетических, исторических и общественно-политических проблем. «Атеней» противопоставлял себя революционно-демократической программе «Современника» и славянофильским крайностям «Русской беседы». В письме к Б.Н. Чичерину (20 окт. 1857 г.) Е.Ф. Корш также обозначил позицию «Атенея» по отношению к «Русскому вестнику»: «...по чувству справедливости к достоинствам “Русского вестника” ощущаю в себе душевное расположение повредить ему как можно меньше своим журналом. Постараюсь ограничиться преимущественно тем, что было пренебрежено или забыто моими бывшими товарищами: критикой, сравнительно-историческим изучением вопросов, представляющих более или менее общий интерес, неослабным слежением за важнейшими явлениями науки и литературы на Западе» [2. 2.29. Л. 1. об.].

В письме к П.В. Анненкову (16 окт. 1858 г.) Е.Ф. Корш писал о спорах, происходивших и внутри

редакции относительно направления журнала: «Я воюсь с “Атенеем”, ведя отчаянную борьбу против Кетчера и всех, наступающих мне на горло, что теперь следует кричать только о современных вопросах. А мне нельзя себя переломить <...>. По моему глубокому убеждению – чтоб говорить путно о современности, надо знать, как именно к ней пришли. У нас есть десятки органов для современных толков и очень немного таких, которые были бы умны задним умом. Мне хотелось устроить такой орган, да при скудости собственных и чужих сил до сих пор плохо удалось. Однако ж я все еще не теряю надежды и попытаю статьи на следующий год...» [3. Л. 2].

1 ноября 1857 г. последовало «высочайшее соизволение» на издание журнала «Атеней». Он издавался с января 1858 г. по апрель 1859 г. Сначала он выходил раз в неделю, с 1859 г. – два раза в месяц¹. Всего вышло 60 номеров (объединенных в 8 частей). В них насчитывается 216 статей авторских, анонимных и напечатанных под псевдонимами и инициалами².

Е.Ф. Корш привлек к сотрудничеству в журнале значительные научные и литературные силы (П.В. Анненков, И.К. Бабст, А.Н. Бекетов, Ф.И. Буслаев, А.Д. Галахов, Ф.М. Дмитриев, С.В. Ешевский, И.Е. Забелин, К.Д. Кавелин, В.Ф. Корш, М.Н. Лонгинов, Н.Ф. Павлов, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин и др.), опубликовал в «Атенею» мемуары И.И. Пущина, Н.В. Сушкова, М.С. Щепкина, отрывок из романа «Обломов» И.А. Гончарова, «Святочный рассказ (из путевых заметок чиновника)» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Письмо из-за границы» И.С. Тургенева, статью Н.Г. Чернышевского «Русский человек на rendez-vous» и др. В журнале приняли участие 68 авторов, 32 из них – постоянные сотрудники, опубликовавшие в нем от 2 до 8 статей. Это были, в основном, члены московского кружка западников и лица, близкие к нему.

С точностью можно утверждать, что перу редактора в «Атенею» принадлежит пять статей. Практически все эти публикации носят полемический характер, проявляя участие автора и руководимого им издания в важнейших общественных дискуссиях 1850-х гг.

Статью «Взгляд на задачи современной критики», подписанную Е.К.³ [4. 1858. Ч. 1. С. 61–69], следует считать программной, как и весь первый номер журнала, в котором она была напечатана в контексте статей Б.Н. Чичерина «О французских крестьянах», П.В. Анненкова «Новая комедия “Свет не без добрых

людей...» комедия в 3-х действиях. Соч. Н. Львова, СПб, 1857», И.К. Бабста «О промышленных кризисах» и отрывка из романа И.А. Гончарова «Обломов». Как видим, в программном выпуске «Атенея» были затронуты наиболее насущные и спорные вопросы современности: крестьянский вопрос, необходимость социально-экономических преобразований в России, вопрос о русском национальном характере, задачи развития русской культуры и литературы – тем самым были обозначены тематика, проблематика и позиция начинающегося издания.

Статья Корша открывается постановкой проблемы, в связи с которой в ней осмысливаются все остальные – «о реализме нашей эпохи» [4. 1858. Ч. 1. С. 61]. Понятие «реализм» уточняется автором как «деловое направление современности» и далее как «преобладающее господство материальных интересов», «разрушение идеалов прошлого и несостоятельность попыток к новым, которые могли бы заменить их» [Там же]. По мнению Корша, это явление носит всеобщий характер, «заражая нравы и мнения» и уже заразив «науку, искусство и литературу» [Там же]. Одновременно подчеркиваются объективность происходящих в России и Европе перемен и идея повторяемости общего закона развития (через вечную, упорную и принципиальную борьбу старого и нового), который демонстрирует «древнеклассический мир», от «бессознательного общения... с данною действительностью», пережив период расцвета, дошедший «наконец до полного внутреннего разлада» [Там же. С. 62]. Тот же путь прошло средневековое общество: от «сверхъестественных следы», оставивших после себя «бессмертные следы», оно «воротилось к окружающей его действительности и суетливо принялось устраивать себе новую мирскую обстановку, более сообразную с его изменившимися потребностями» [Там же].

Обращаясь к современному историческому моменту, Корш констатирует тот факт, что, отвечая на запросы времени, даже наука и искусство обратились к прикладным целям. На фоне «страшного расширения естественных наук и изумительной многосторонности их практического приложения» автор отмечает «упадок философии», «разрозненность и мелкость мотивов в искусстве» [Там же]. Признавая, что Россия и Европа в целом вступили на новый путь, который глупо отрицать или порицать, Корш призывает искать такие способы использования материальных и духовных ресурсов общества, которые бы «облегчили» его шаги на новом пути.

Далее обозначенная проблематика приобретает у автора статьи более сложную и тревожную интерпретацию. В частности, его волнует крен в сторону «реализма» (материализма) в области философии, что ведет, по его мнению, к потере целостного представления о мире (попутно материализм соотносится со спиритуализмом, завоевывавшим все большее количество умов и представляющим не меньшую опасность, чем «реализм», внося дисбаланс в философское постижение мира). Что касается «общественной и политической сфер», то и здесь реализм как идея времени уводит общество в сторону ложных мечтаний либо о возможности «органического восстанов-

ления обломков старины» (выпад против славянофильской теории), либо о «внезапном переходе общества из одних форм быта в другие» (предупреждение революционного разрешения конфликта старого и нового) [4. 1858. Ч. 1. С. 63]. Столь же опасным отклонением от истины Корш считает витающую в воздухе идею «национальной особенности», которая якобы обеспечивает «каждому самостоятельному народу его личную физиономию», личный путь в истории [Там же. С. 64]. Такая мысль, считает Корш, легко переходит в опасную идею исключительности отдельной нации, чему в статье противопоставлено единение народов, населяющих Европу.

Интересна проекция данных рассуждений Корша на область науки и литературы, она фокусируется на вопросе о народности. Сосредоточенность на «местном, племенном» лишает науку возможности «беспристрастно» искать истину, уводя ее в эмпиризм, а литературу – в грубый натурализм и злободневность, которые лишают ее самой сути – художественности, не заменимой никаким достоинством содержания и доказывающей всякий раз органическую целостность содержания и художественной формы. Говоря о современных произведениях литературы, Корш заключает: «...насильственное сближение с действительной жизнью часто заходило в ту низшую сферу грубой, иногда обезьянской подражательности, которую прозвали натурализмом, вероятно потому, что своей резкой угловатостью она беспрестанно напоминает бесконечное расстояние, отделяющее ее от настоящей природы. <...> Тщетно трудам такого рода сияется придать общественное значение, выбирая для них темы из быта простого народа или многочисленного, жалкого класса служащих бедняков: скоро достойная кара забвения постигнет эти неудачные попытки, столько же оскорбляющие истину в искусстве, как и в действительности» [Там же. С. 68–69].

В первой части «Атенея» за 1858 г. была опубликована еще одна статья Корша «Индийское восстание, его причины и последствия», подписанная инициалами Е. К. [Там же. С. 179–190, 259–268, 329–338]. Этой статьей автор включился в бурное обсуждение начавшегося в феврале 1857 г. одного из самых известных в мировой истории восстания сипаев, разнообразные отзывы о котором появлялись как в европейской (прежде всего, английской и французской), так и в русской прессе. Сегодня существует целая библиотека работ, посвященных изучению этого события. Отдельный аспект этого изучения – восприятие восстания в России, в дореволюционной печати и в советской исторической науке. Традиционно выделяются три подхода к дореволюционной оценке восстания – в консервативной, либеральной и революционно-демократической прессе. Столь же традиционно главное внимание уделяется статьям русских революционеров-демократов, прежде всего А.Н. Добролюбова, воспринявшего восстание как национальную освободительную войну индийского народа против английской колонизации. Однако по своим возможностям влияния на общество и даже на политику правительства в этом вопросе главную роль играла либеральная печать. Как указывает исследователь, «харак-

терной чертой подавляющего большинства этих статей было то, что события в Индии 1857–1859 гг. изучались в тесной связи с историческим прошлым Индии, особенно с историей английского господства над страной» [5]. Преимущество авторов этих статей заключалось, по мнению исследователя, в том, что «они, изучая, сравнивая и сопоставляя материалы из английских и французских журналов и газет, приходили к наиболее объективным выводам. Дело в том, что во французских и английских журналах и газетах печатались материалы, полные обвинений друг против друга, отсюда их тенденциозность» [Там же]. Именно в этот контекст входит статья Корша, которую исследователи в лучшем случае лишь упоминают, перечисляя публикации либералов о восстании сипаев⁴. Специальному анализу в контексте творческой деятельности Корша и идеологии и концепции выпускавшегося им журнала «Атеней» она до сих пор не подвергалась.

Понятие «восстание», вынесенное в заглавие статьи, вошло в европейскую общественную мысль со времен Античности в результате осмысления такого явления, как массовое выступление против существующей власти, и в целом проблем развития общества и власти в обществе⁵. Процесс нациестроительства в России, да и в Европе, обусловленный, кроме прочего, рядом восстаний, безусловно, подогревал интерес общественной мысли к названной проблеме и ее современному видению. Точкой отсчета в размышлениях над этой проблемой для Корша, судя по рассматриваемой статье, становится решение проблемы причин и последствий индийского восстания, введение данного исторического события в большой исторический контекст, что, по его мнению, поможет очистить этот «спорный вопрос» от «возгласов, внушаемых ожесточением» сиюминутной политической борьбы. Именно с этим связано погружение автора статьи о злободневном событии в историю [4. 1858. Ч. 1. С. 180].

Однозначно ложной Коршу представляется мысль о том, что «англичане только сосали кровь из Индии, нисколько не заботясь о благосостоянии края», и это стало причиной восстания [Там же]. Закрепившийся за Англией в ряде публикаций статус страны-поработительницы, прибегавшей в управлении колонией к страшным пыткам, по мнению Корша, органично входил в национальные традиции управлять народом с помощью «понудительных мер», телесных наказаний, которые принадлежат «к самым укоренившимся обычаям в Индии», в которых «простой народ», доведенный «туземным воспитанием», «религиозной тиранией браминов», «монгольским владычеством» до высшей степени «нравственного уничтожения и разврата», видит «совершенную необходимость» («он думает, что не след» подчиняться власти, «пока не принудят»; «в простонародных комедиях, — указывает Корш, — всего более нравится зрителям часто повторяемая сцена вымогательства податей, копейка за копейкой, посредством приличного истязания») [Там же. С. 181]. «И много таких своенародных обычаев, много таких освященных стариною зол, по необходимости, — считает автор, — унаследовали

англичане с первого появления своего в Индии» [4. 1858. Ч. 1. С. 181–182].

Эта мысль об унаследовании англичанами местных «зол», с которыми им пришлось бороться в процессе колонизации Индии, доказывается и описанием истории индусов и «их края». В ней особый акцент делается на том, что индусы принадлежат к великому арийскому племени, которое в свое время вторглось на север Индии и силой подчинило себе его коренных жителей. Большое значение придается также более чем 200-летнему монгольскому игу и столкновениям Индии с магометанским миром, которые посеяли много «элементов розни, взаимного недоверия и нравственного разврата» [Там же. С. 184]. Подчеркивается и раздробленность и «совершенная дикость» многих первобытных народов Индии, усугубляющиеся «разнообразием языков и наречий», «совершенная противоположность их взглядов с европейскими», обширность страны, климат, недостаток путей сообщения, что также затрудняло англичанам, по мнению Корша, проведение в Индии «благоустроенной администрации» [Там же. С. 183–184].

В статье таким образом фиксируется другая сторона истории колонизации Индии, которая трактуется как борьба цивилизации с варварством. Колонизацию возглавила, в силу обстоятельств пополам со случайностью, Ост-Индская компания, «страшно обогащавшаяся» на угнетении индийского народа. Растлеваемые средой, в которой находились с детства, вдали от родины, представители компании, включая самый высокий ранг, утратили ненависть ко лжи, «честные побуждения», без которых «нет истинно значительного человека в европейском обществе» [Там же. С. 186]. Испорченные пороком сами, они оказались неспособны управлять огромной страной с «испорченным населением». История колонизации Индии обращает Корша и к проблеме «благонамеренной» отмены англичанами общинного устройства крестьянского быта и заменой его индивидуальной арендой земли у землевладельца, которое привело к многим драматическим последствиям. К вопросу общины Корш еще не раз обратится в своих статьях и более поздних переводах, справедливо усматривая в нем параллель к волновавшему всю Россию вопросу о крепостном праве.

Итак, основная проблема рассматриваемой статьи Корша уведена в сферу философии, философии истории в первую очередь: в истории колонизации Индии и попыток сипаев путем восстания свергнуть власть англичан главными мотивами являются столкновения старого и нового, своего и чужого и неизбежности и необходимости их взаимодействия, драматического в силу объективной противоположности конфликтующих сторон, но единственно возможного двигателя развития. Заключительная часть статьи открывается прямой постановкой вопроса о возможности благотворного европейского влияния в Индии при учете огромной разницы и даже «вопиющего противоречия» «закоренелых преданий частного и общественного быта», «интересов нравственных, коренных обычаев и понятий индийцев и англичан» [Там же. С. 329].

Ситуация в Индии, рассматриваемая Коршем на фоне колонизации в Америке и Сибири, представля-

ется ему весьма специфичной в силу необычайного «сродства» населения Индии. При всей их «взаимной розни», индийцы легко объединяются, чтобы оттолкнуть от себя всем одинаково чуждое влияние «заморских пришельцев», в чем и видит автор статьи глубокую разницу между восточным человеком, не страдающим от отсутствия свободы, «матери всякой личной особенности», и европейцем, прилагающим идею права к большей части своей жизни. И даже политика таких государственных деятелей, как лорд У.Г. Кавендиш-Бентинк, «истинно просвещенного», по оценке Корша, человека (с именем которого связано зарождение народного образования в Индии, объявление обычая сжигания вдов преступлением, борьба с сектой «тагов» и др.), не могла «принести надежного плода» без «совершенного обновления общественного быта чрез воспитание юных поколений», чему противились, каждая по своим причинам, и индийская, и английская стороны [4. 1858. Ч. 1. С. 336].

Рассуждая о причинах восстания, Корш пишет: «Ост-Индская Компания и ее многочисленные защитники и клиенты находили свою выгоду в том, чтобы не прививать индийцам европейского образования и, под предлогом уважения к народной старине, удерживать их в тьме многобожия и невежества» [Там же. С. 337], подтверждая эту мысль цитатой из одного из донесений парламента, в котором говорится как раз о том, что «все образованные индусы – заклятые враги христианства, враги чужезаставия, особенно когда из истории они узнают тайну происхождения английского могущества в Индии... Если мы когда-нибудь утратим этот край, виной тому будут школы» [Там же. С. 338]. Лорд Бентинк, который избрал дорогу прогресса, был вскоре отозван от своей должности, а его приемники отступили от его благотельных начинаний. Этим во многом, по мнению Корша, и было обусловлено восстание: «...рядом с благодарным воспоминанием о великодушных его мерах, росло негодование на тех, кто забывал, порицал или отменял их. Такое опасное соседство могло, конечно, содействовать к подготовке нынешнего восстания...» [Там же].

Предложенная Коршем интерпретация индийского восстания не столько актуализировала злободневность исторического события, сколько открывала философскую подоплеку социально-исторического события, выводя к специфике национальной истории и типологии истории всеобщей, с ее законами повторяющихся столкновений старого и нового, своего и чужого, что вводит данную публикацию не только в контекст осмысления ключевых событий эпохи, но и ее философских дискуссий.

После публикации рассмотренных выше статей в прессе появились отклики на них. Рассмотрим мнение оппонентов – журнала славянофильского направления «Русская беседа» в лице А.И. Кошелева и Ю.Ф. Самарина.

В «Русской беседе» за 1858 г. в отделе «Критика» была опубликована рецензия [7. 1858, кн. I (IX). С. 88–104; источник атрибутирован К.И. Бутиной] издателя-редактора журнала, публициста и общественного деятеля славянофильских взглядов

А.И. Кошелева на статью Корша «Взгляд на задачи современной критики», подписанная «–е–е–». Прежде всего рецензент обрушивается на искажающую истинный смысл интерпретацию Корша слов Бэкона, вынесенных в заглавие статьи («Истина – дочь времени, а не авторитета») и, как справедливо указывает Кошелев, журнала «Атеней» в целом. Признавая программный характер публикации Корша, Кошелев не принимает ее главной идеи развития общества в соответствии не только с вечными, универсальными законами истории, но и веяниями конкретной эпохи. В представлении Кошелева, если отступить «от цельного понимания истины Баконова, в смысле плода совокупности всего времени», и приковать «ее к какой-нибудь одной его частице, то ясно, что не будет уже для нас одной истины, а будет их множество, и столько же, сколько времен» [7. 1858. Кн. 9. С. 89]. Доводя до абсурда идею Корша, Кошелев толкует ее в русле крайне субъективного идеализма, саркастически утверждая, что в таком случае истинным можно признать только кусок хлеба в тот момент, когда ты его ешь.

Столь же вольно истолковываются и рассуждения Корша о реализме современного периода истории, которому, как и материализму, Корш якобы дает «полную индульгенцию». И в целом считает рецензент, роль «реализма» в современной истории весьма преувеличена Коршем (поскольку, как пишет Кошелев, «реализм невозможен без идеализма, а идеализм без реализма: реализм есть идеализм обнаружившийся; идеализм есть реализм в возможности. Отделите реализм от идеализма – и вы получите исключительный материализм <...> Отделите идеализм от реализма – и вы получите спиритуализм») [Там же. С. 92], да и тема, выбранная им для заглавной статьи «Атеней», настолько избита (она названа Кошелевым даже «пошлой»), что «уж как-то совестно начинать с нее издание нового журнала», – заключает рецензент.

Попутно в рецензии дается отпор рассуждениям Корша о народности и отношении к русской старине, в которой, с точки зрения Кошелева, недопустимо видеть какие бы то ни было недостатки и ошибки, что приравнивается к «ложному пониманию русской старины» и отсутствию патриотизма. Дается оценка и основным положениям статьи об индийском восстании: якобы именно сочувствием к материализму только и можно объяснить признание Коршем того, что «австрийский жандарм и английский солдат могут быть орудиями человеческой образованности». Искажая до неузнаваемости пафос статей Корша, диктуемый идеей личности как основы культуры и прогресса, и явно сгущая краски, Кошелев переходит к откровенно славянофильским лозунгам: «Странно: не допускают в науке возможности принадлежать народу и проявлять в ней особенности его занятий <...> Не смей, народ, выработать в науке своего собственного воззрения на мир и человека; наука – моя, наука – мое личное дело, наука – я! Вот то, что мы несколько раз, пожимая плечами, читали в Русском вестнике; вот то, чем начинает и новый журнал, принявший на себя всемирное название Атеней» [Там же].

Также в журнале «Русская беседа» в отделе «Смесь» была опубликована «Заметка» Ю.Ф. Самарина.

рина, подписанная «.....ъ» [7. 1858. Кн. I (IX). С. 220–223], также отвечающая на публикации Корша. В ней Самарин возражал Коршу: «Когда герцог Альба вступал в Нидерланды с испанскою армией и целым отрядом инквизиторов, он рассуждал точно так, как издатель Атенея: “Конечно, можно бы желать, чтобы эти проклятые протестанты одумались сами; но если история показывает нам на каждом шагу, что внутреннее воздействие, по большей части, ждет внешних побуждений, то нечего сетовать, что придется кое-кого поджарить или повесить для врачевания темной толпы. Тут важно спасение душ!” (Примеч. от ред.: “Мы полагаем, что герцог Альба был также искренне убежден в превосходстве католичества над протестантством, как убежден издатель Атенея в превосходстве австрийцев над славянами”») [Там же. С. 222–223].

В ответ на публикацию Самарина в «Атенея» была напечатана «Заметка» Корша, подписанная «.....шъ»⁶ [4. 1858. Ч. 2, № 10. С. 146–148]. Ее автор использует возможность в полемике еще раз определить свои главные идеи, прежде всего идею развития общества, которое совершается «следуя непреложному закону» постоянной смены старого новым, в противном случае наступает «коснение народа, как и отдельного лица», «замкнутая определенность», «застой в единожды данной ограниченной сфере» – все это Корш называет противоречием законам истории [Там же. С. 146].

Еще раз подчеркивая, что он не настаивает на оправдании всех действий англичан в Индии, Корш повторяет свое принципиальное убеждение относительно роли англичан для развития Индии («волей или неволей, по непреложным законам исторической логики, разбросали в Индии семена свободного человеческого образования, которые тамошним староведам нелегко будет заглушить» [Там же]), аналогична, с его точки зрения «историческая логика» в оценке роли австрийцев в истории славян, проживающих в Австрии. Та же «историческая логика» неумолимо показывает «коснение» многих западнославянских племен в их «мнимо-первобытной особенности» [Там же. С. 147]. Не видеть все это широким народным массам мешает, считает Корш, лишь низкий уровень образования, и в подтверждение он приводит цитату из своей рецензируемой статьи: «Конечно, можно бы желать, чтобы они (т.е. варварские обычаи) прекратились “внутренним воздействием жизни народа”... но если история показывает нам на каждом шагу, что внутреннее воздействие по большей части ждет внешних побуждений, то нечего сетовать, что в Индии английский солдат, а в Сирии австрийский жандарм являются орудиями образованности». Очевидно, что именно эта фраза возмутила автора «Заметки» в «Русской беседе», к которому в своей ответной «Заметке» обращается Корш. Эта фраза действительно могла показаться жесткой, так как было известно, что жандармы искореняли обычаи славянского населения герцогства Штирия, входившего в состав Австрийской империи.

Данная полемика произвела резонанс у читающей публики. В письме от 10 марта 1858 г. П.В. Анненков шутливо писал Коршу: «Из “Русской беседы” я узнал,

что вы разделяете образ мыслей герцога Альбы и ходите на него, как две капли воды» [8. С. 97].

В 4-й части «Атенея» опубликована рецензия Корша на 5-ю часть «Драматических сочинений Шекспира» в переводе Н.Х. Кетчера (М., 1858) – «Шекспир. Перевод Н.Х. Кетчера», подписана: Е.К. [4. 1858. Ч. 4. С. 160–162]. Небольшая заметка написана в духе общих убеждений автора. Во-первых, он приветствует возможность Кетчера продолжить свой труд над переводом сочинений Шекспира и «предпринять второе издание четырех первых частей, вышедших ранее и давно уже раскупленных» [Там же. С. 160]. Во-вторых, он поздравляет русских читателей с предоставленной возможностью «наслаждаться Шекспиром», «впервые познакомиться» по переводам Кетчера «с величайшим из драматургов, с гениальнейшим из поэтов Нового времени» [Там же]. В-третьих, понимая перевод как средство межкультурной коммуникации, имеющее большое общественное предназначение, и поддерживая принципы перевода, избранные Кетчером, Корш, отдавший немало времени и сил переводческой деятельности, по сути, излагает свою позицию в продолжавшемся в России (и Европе) многие годы споре о принципах перевода.

Прежде всего, он ставит самый главный вопрос для переводчика – о «возможности близкой и верной передачи подлинника» [Там же. С. 161]. Далее определяются пути достижения эквивалентности художественного перевода: близость и верность подлиннику не только «в главных чертах, но и в малейших подробностях», «главное – язык и манера поэта, а не самого переводчика», «лучше уж грешить излишней близостью к подлиннику, чем произвольным переложением его особенностей на свой личный, в этом случае ни для кого не интересный вкус» [Там же]. На Шекспира, представляющего и для современного англичанина «бездну странностей в выражении, не говоря уж об устарелости языка», переводчик, считает Корш, не имеет право посягать с целью «посмягчить, выправить и пообделать, представить чудный язык Шекспира как можно более подходящим к употребительному теперь в обществе и в книжках лучших нынешних *сочинителей*» [Там же]. «Этот прием, которым более или менее одержимы почти все переводчики дивного Британца, кажется нам совершенно ложным», – заключает Корш⁷.

Отдельного внимания заслуживает статья Корша «Новая русская община. Письмо к редактору», опубликованная в «Атенея» в трех частях («письмах») за подписью «Н. Тупицын»⁸ [Там же. Ч. 5. С. 328–332, 388–397, 450–459]. Вместе с другими журналами «Атенея» включился этой статьей еще в одну полемику 1850-х гг. – о русской общине, проблеме, которая никогда не была в России чисто научным, политическим, экономическим и т.д. вопросом. Любая его трактовка (славянофилы, например, искали в этом основы славянского духа, консерваторы придают идее общинности охранительный характер и т.д.) связывалась с размышлениями о глубинных чертах русского национального сознания. Русская крестьянская община часто служила аргументом в пользу мнения об особой, исконной «общинности» русского народа,

которая сформировала его ментальность. В чем специфика русской сельской общины, какое место она занимала в российском государственном организме, какова была ее социальная роль, необходима ли она была крестьянству или ее существование – свидетельство отсталости и дикости России, по сравнению с развитыми странами Европы? На эти вопросы по своему отвечали Ю.Ф. Самарин и М.Н. Катков, А.И. Кошелев и Б.Н. Чичерин, А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский, К.Д. Кавелин и многие другие. Расхождения во взглядах по этим вопросам в российском обществе были исключительно острыми.

Непосредственным поводом для выступления Корша на страницах «Атеней» с «Первым письмом к редактору» послужила статья М.Н. Каткова «Русская сельская община», опубликованная в «Русском вестнике» [10. 1858. Т. 17. С. 185–235]. С первых страниц публикации, обостряя ее полемический пафос и придавая масштаб полемике, Корш определяет ее предмет – русская община как один из устойчивых элементов культурного самосознания, который, будучи связан с определенными идейными установками, сам активно их продуцирует, влияя на традицию. В связи с этим весьма иронически подчеркиваются резкость и частотность смены позиции «Русского вестника» в отношении рассматриваемого явления – «он два года сряду толковал нам во множестве статей о недостатках, слабости, несостоятельности русской общины, и все это для того, чтобы повернуть на-право кругом и объявить своим ошеломленным сотрудникам и читателям: Ведь я шутил! Ведь я шутил! Мы стоим за русскую сельскую общину», но «за совсем иную, за свою», которую журнал «строит и регламентирует по новому плану», как «предохранительное средство против всех экономических зол, настоящих и будущих» [4. 1858. Ч. 5. С. 328–329].

«Русский вестник» «всегда и при всяком случае отстаивал личную собственность и ее именно противопоставлял... недостаткам общинного владения, – пишет Корш, – теперь он вооружается против *личной* собственности и предлагает заменить ее *общинною*» [Там же. С. 330]. Общинная собственность представляется Коршу ограниченной, освобождающей ее членов от личной ответственности за свою жизнедеятельность, от которой не следует ждать «выгодных последствий» для развития России. Предлагаемая Катковым «даровая рента» называется «премией за лень», а новая модель общины – «обществом застрахования от труда», способствующим «быстрому размножению безземельных трутней», желающих получить «побольше даровой ренты от рабочих общников». Критикуется и допущение Катковым вмешательства государства «в частные дела собственника общины». При таком положении дел «только слава, что зовется она собственником, а ведь в сущности лишена всех прав» [Там же. С. 331].

Развенчивая противоречивую позицию «Русского вестника», Корш не только создает убедительный образ лекаря, готовящего чудовищное снадобье, состоящее «из старого выдохшегося взгляда на происхождение права поземельной собственности», «двойного количества школьных ошибок против истории», эту

«пыль» и бросают «в глаза читающему люду, предважив наперед, что всякий, кто назовет ее настоящим именем, – бессмысленный невежда, пустой болтун, враль, лишенный *даже* энтузиазма» [4. 1858. Ч. 1. С. 329]; одновременно фиксируется двойственный характер славянофильской идеологии, в которой сочетались консервативно-романтические и либеральные элементы, и в целом либерально-консервативный синтез в русской общественной мысли, особенно ярко проявляющийся в разработках концепций модернизации России, осуществлявшихся в 1850–1860-е гг. Кроме того, очевидны выходы статьи Корша и ее контекста к глубинным проблемам общинного сознания русского крестьянства, напрямую связанным с достижениями национального, народного характера.

Одним из самых обсуждаемых в России аспектов проблемы русской общины являлась ее уникальность. Этому вопросу Корш уделяет специальное внимание, написав о нем «Второе письмо к редактору». Отрицая с первых страниц мысль Каткова о возможности «поземельной собственности» для Англии и ее «ненормальности и пагубности» для России, что напрямую связано с убеждением о существовании у России своего, отдельного от мировой истории и ее законов пути, Корш останавливается на том социально-политическом опыте, который был приобретен Англией на ее пути к плодотворному решению вопроса о частной собственности на землю. Этот опыт доказывает ложность тезиса «Русского вестника» о том, что «для экономического движения совершенно все равно, в чьих руках находится чистое право собственности на землю... ничего не значит, когда вся земля захвачена в немногих руках» [Там же. С. 393–394].

Позиция Корша сводится к тому, что право на землю «должно иметь источником не грубый и случайный факт, а природу свободной личности человека» [Там же. С. 395]. Пытаясь сформулировать «разумно-нравственную норму права собственности» на землю, Корш призывает к признанию «сродной каждому человеку свободы внешней деятельности, насколько она совместна с равною свободой других», ибо право всегда и в любом обществе определяется, по Коршу, «тою степенью свободы, какая осуществима для каждого отдельного лица в данном состоянии общества» [Там же]. Способность осознания права – своего и окружающих в обществе – Корш связывает с нравственной природой человека, которое и отличает его, даже в первобытном состоянии, от животных. Такая логика, уверен Корш, органично вытекает из объективных и универсальных законов исторического развития, которые корректируются обществом и постоянно изменяются именно в силу свободного нравственного выбора, которым человек наделен от природы.

Отсюда Коршем делается переход к проблеме новой русской общины, модель которой с описанием ее «исторических оснований» предлагалась Катковым, и которой, по мнению «Русского вестника», «полно и удачно разрешаются ... все споры европейских экономистов и публицистов о свободе крестьянской поземельной собственности» [10. 1858. Т. 17. С. 224]. Этому посвящено «Третье письмо к редактору». При-

меня историко-сравнительный метод, автор сосредоточен на опыте исторического развития европейского права собственности на землю, которое прошло и этап «неправедного захвата земли», и средневековый период «рабского труда» крестьян на обширных землях, им не принадлежащих и передававшихся по наследству их владельцам (период «крепостного состояния»: «обязанного труда и личной зависимости» крестьянина от своего господина), и время «раздачи земли» людям, уже оторвавшимся, в силу разных причин, от сельского труда.

Исходя из понимания того, что русская община, как и в любой другой стране, не является исконной формой землевладения, что ее возникновение было связано с возрастанием нехватки земли, а также с установлением крепостничества и усилением феодальной и государственной эксплуатации сельского населения, Корш утверждает, что община является универсальным общественным институтом, но в определенный период истории, что названные им этапы землевладения были пройдены всеми европейскими народами как необходимая и естественная фаза объективного исторического развития общества, и являясь, как и социальная иерархия, следствием вполне определенного в историческом отношении «феодалного устройства» общества, «не родового начала, а феодального способа землевладения» [4. 1858. Ч. 5. С. 455]. Заключается статья утверждением необходимости для России сделать естественный шаг в историческом развитии в сторону полной частной собственности на землю, без каких бы то ни было ограничений для владельца, которые предлагал Катков в своей модели новой русской общины. Без этого нет в землепользовании и всем, что на нем основывается, «главного нерва человеческой деятельности – свободы» [Там же. С. 458]. «Не рано ли нам вообще, из боязни непредвидимого у нас земледельческого пролетариата⁹ помышлять об ограничении не развившейся еще личной собственности», – риторически восклицает автор в конце статьи.

На этом участие «Атеней» в обсуждении проблемы русской общины не закончилось. 20 октября 1858 г. К.Д. Кавелин писал Каткову: «С любопытством и интересом прочел я Вашу статью о русской сельской общине. Мнений Ваших о ней не разделяю и готовлю Вам ответ в виде письма» [11. 4.1. Л. 1]. В следующем письме он подробно излагал Каткову основные положения своей статьи: «Существенное есть то, что общинное владение делает землю неотчуждаемой в частные руки, вследствие чего люди способные и предприимчивые всегда будут иметь возможность создать себе сферу деятельности, не принадлежа к общине, ибо я не только допускаю, но и признаю совершенно необходимо личную поземельную собственность рядом с общинной. <...> Исключительное господство личной собственности тем страшно, что оно оставляет на воздухе массы народонаселения с их колыбели, чего при общинном владении нет и быть не может» [Там же. Л. 2–3].

Кавелин направил свою статью в «Русский вестник», но отказался от предложенной Катковым и Леонтьевым корректуры, после чего он направил ста-

тью «Взгляд на русскую сельскую общину» Коршу в «Атеней», где она и была напечатана [4. 1859. Ч. 1. С. 167–196]. В конце статьи Кавелина помещалось примечание от редакции: «Читателям “Атеней” едва ли нужно объяснять, что мы не приписываем общинному землевладению того великого значения в будущем, какое провидит для него почтенный автор. Но, помещая здесь его статью, как прекрасное изложение мыслей ученого и добросовестного противника, мы делаем это тем охотнее, что, далекий от расчетов мелкого самолюбия и дорожа только всевозможным разъяснением вопроса, К.Д. Кавелин, без всякого вызова или даже намека с нашей стороны, сам предложил нам высказать наши разногласия с его взглядом. Мы и исполним это в следующем же номере» [Там же. С. 196].

В 5-м номере журнала «Атеней» за 1859 г. появилась статья А.Е. Разина «Общинное управление и общинное землевладение (по поводу статьи К.Д. Кавелина)» [Там же. ч. 2. С. 58–69], в которой автор критиковал предложение Кавелина и поддерживал точку зрения Корша о введении личной собственности (выраженной в статье «Новая русская община» Н. Тупицына). Зато статья Кавелина была с одобрением встречена славянофилами. В фондах отдела рукописей РГБ Самарина и Черкасского имеются письма с отзывами о ней [8. С. 85].

* * *

Несмотря на большое количество авторитетных участников журнала и серьезность претензий, «Атеней» очень быстро закрылся. Вот что мы можем узнать из послесловия «От редакции» в последнем номере журнала: «Источив в борьбе с равнодушием публики к нашему журналу не только скудные средства, доставленные нам подпискою, но и все те, какими могли мы располагать, благодаря бескорыстному участию людей нам близких, мы пришли к горькой необходимости остановить свое, как видно, неуместное теперь издание» [4. 1859. Ч. 2. С. 604].

Между тем в журнале затрагивались насущные и самые широко обсуждаемые в обществе проблемы современности: крестьянский вопрос, судьба общины, необходимость социально-экономических преобразований в России, задачи развития русской культуры и литературы и пр. «Атеней» оказывался в самой гуще общественных споров, важных с точки зрения выбора не только будущего России, но и ее устоев и традиций. Острейшие проблемы рассматривались сквозь призму просветительской идеологии, диалектики и синтеза разных позиций. Возможно, это воспринималось современниками как отсутствие четкой позиции, что и повлияло на скорое закрытие журнала. Следует учесть и личность Е.Ф. Корша, который, по воспоминаниям современников, не обладал предпринимательской хваткой издателя, напопричав борца-идеолога. В своих действиях он проявлял мягкость, не был склонен к скоропалительным действиям и выводам, по образному сравнению С.М. Соловьева, он напоминал «улитку, скрывающуюся в свою раковину при всяком столкновении, требующем хотя бы сколько-нибудь энергии, твердости» [12. С. 99].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Издание еженедельного журнала было сложным делом в цензурных условиях того времени. С 1858 г. статьи, касающиеся современных вопросов, должны были проходить двойную цензуру. Это осложняло своевременный выпуск номеров.

² В журнале печатались и переводы статей из западноевропейских газет и журналов («Die Allgemeine Zeitung», «Athenaeum», «Das Ausland» и др.). Например, статья «Нынешнее состояние Ирландии» [4. 1858. Ч. 1. С. 397–404] из «Das Ausland», «Естественные науки и земледелие» [4. 1858. ч. 2. С. 170–181] из «Die Allgemeine Zeitung», «Роберт Броун. Некролог» [4. 1858. Ч. 4. С. 30–34] из «Athenaeum» и др. Имя переводчика в данных статьях не указано.

³ В «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова указано, что один из псевдонимов Е.Ф. Корша – Е.К.

⁴ Так, Н.Н. Непомнящий в своей книге «Русская Индия» писал: «В декабре того же года (1857 г. – прим. В.Д.) “Петербургские ведомости” опубликовали серию статей известного консервативного публициста Н.И. Тарасенко-Отрешкова, в которой он также защищал и оправдывал Англию. Губительность Ост-Индской компании выразил редактор журнала “Атеней” Е. Корш в своей либерально направленной статье “Индийское восстание, его причины и последствия” (1858). Однако Корш, как и другие либералы, критиковал лишь крайности британского правительства, не выступая против самой системы колониальной эксплуатации» [6. С. 9].

⁵ Большое внимание в статье уделено ситуации власти отдельной частной компании над «судьбой обширного края со ста осмьюдесятью миллионами жителей», которую пережила Индия. С точки зрения Корша, положение дел могла спасти только единая законная власть государства (Англии).

⁶ В «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова указано, что один из псевдонимов Е.Ф. Корша – «.....шъ».

⁷ На сегодняшний день переводы Шекспира, сделанные Кетчером, непопулярны, так как они были сделаны в прозе (о чем напрямую не говорится в статье Корша). Такие переводы вызвали недоумение и у современников, иногда даже высмеивались: С.А. Соболевским в 1827 г. была написана эпиграмма о Кетчере, обычно приписываемая И.С. Тургеневу: *Вот и он, любитель пир // И знаток шампанских вин, – // Перепер он нам Шекспира // На язык родных осин* [9].

⁸ Еще один псевдоним, принадлежащий Е.Ф. Коршу и указанный в «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова, – Н. Тупицын.

⁹ В статье Каткова выдвигалось следующее предложение: «Главная цель – предотвращение пролетариата – достигается гораздо полнее, когда общинное владение заменяется общинной собственностью» [10. 1858. Т. 17. С. 224].

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 31. Оп. 5. № 388.
2. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Фонд 334. Опись архива Б.Н. и Н.В. Чичериных.
3. Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук (РО ИРЛИ РАН). Фонд 7. Архив П.В. Анненкова. № 57.
4. Атеней. Журнал критики, современной истории и литературы : журнал. М., 1858–1859.
5. Кашмир Сингх, Рандхава. Изучение в России и СССР индийского национального восстания 1857–1859 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 214 с.
6. Непомнящий Н.Н. Русская Индия. М. : Вече, 2010. 352 с.
7. Русская беседа : журнал. М., 1856–1860.
8. Бутина К.И. К истории журнала «Атеней» // Записки отдела рукописей. М. : Книга, 1974. Вып. 35. С. 62–103.
9. Соболевский С.А. Миллион сочувствий: Эпиграммы. М. : Книга, 1991. 219 с.
10. Русский вестник : журнал. М., 1856–1887.
11. НИОР РГБ. Фонд 120. Опись архива М.Н. Каткова.
12. Соловьев С.М. Записки Сергея Михайловича Соловьева: Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Петроград : «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1915. 174 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 13 июня 2018 г.

PUBLICATIONS OF EVGENY KORSH IN THE *ATENEY* JOURNAL (1858–1859)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 38–46.

DOI: 10.17223/15617793/431/5

Vladislava N. Duvakina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vladamet@mail.ru

Keywords: Evgeny Korsch; Russian periodicals of 1850s; *Ateney*; public debates.

The article reviews publications of Evgeny Korsh (1809–1897), a Russian publicist, editor, publisher, translator, ideologist of liberal Westernizing ideas, member of the Moscow Circle of Westerners, in the *Ateney* journal in 1858–1859. Korsh participated actively in the publication of many well-known Russian newspapers and journals, as evidenced by his rich creative heritage, which has so far not been practically investigated and not even fully assembled, and by the memoirs of his contemporaries. The liberal Westernizing ideas of Korsh, which formed in 1841–1842 (the inception of the Moscow Circle of Westerners), were reflected in all his further literary and publishing activities. They were most clearly expressed in his own liberal journal *Ateney. Zhurnal kritiki, sovremennoy istorii i literatury* (1858–1859). The article describes the history of the creation of *Ateney*, whose founder and editor was Korsh, and five publications by Korsh: 1. Korsh, E.F. “Vzglyad na zadachi sovremennoy kritiki” (1858, part 1, pp. 61–69); 2. Korsh, E.F. “Indiyskoe vosstanie, ego prichiny i posledstviya” (1858, part 1, pp. 180–190, pp. 261–268, pp. 329–338); 3. Korsh, E.F. “Zametka” (1858, part 2, pp. 146–148); 4. Korsh, E.F. “Shekspir. Perevod N.Kh. Ketchera” (1858, part 4, pp. 160–162); 5. Korsh, E.F. “Novaya russkaya obshchina. Pismo k Redaktoru” (1858, part 5, pp. 328–332, pp. 388–397, pp. 450–459). The article reveals the polemical nature of almost all publications which shows the participation of the author and his journal in the most important public discussions in Russia in the 1850s. For example, Korsh’s article “Novaya russkaya obshchina” was a reply to M.N. Katkov’s article “Russkaya sel’skaya obshchina” published in *Russkiy vestnik*. The article also considers the replies to Korsh’s publications by the Slavophiles A.I. Koshelev and Yu.F. Samarin (*Russkaya beseda*). Publication of *Ateney* was one of the significant moments in the history of the formation of Russian liberalism. The journal reflected the evolution of one of the trends of the Russian liberal thought with its differences from other groups of the time.

REFERENCES

1. Central State Archive of Moscow (TsGA Moskvyy). (In Russian).
2. Research Department of Manuscripts of the Russian State Library (NIOR RGB). Fund 334. *Opis' arkhiva B.N. i N.V. Chicherinykh* [Inventory of the archive of B.N. and N.V. Chicherin].
3. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (RO IRLI RAN). Fund 7. *Arkhiv P.V. Annenkova* [Archive of P.V. Annenkov]. Unit 57.
4. *Ateney. Zhurnal kritiki, sovremennoy istorii i literatury*. (1858–1859).
5. Kashmir Singh, Randhava. (1984) *Izuchenie v Rossii i SSSR indiyского natsional'nogo vosstaniya 1857–1859 gg.* [The study of the Indian national uprising of 1857–1859 in Russia and the USSR]. History Cand. Diss. Moscow.
6. Nepomnyashchiy, N.N. (2010) *Russkaya Indiya* [Russian India]. Moscow: Veche.
7. *Russkaya beseda*. (1856–1860).
8. Butina, K.I. (1974) K istorii zhurnala “Ateney” [To the history of the journal “Ateney”]. *Zapiski otdela rukopisey*. 35. pp. 62–103.
9. Sobolevskiy, S.A. (1991) *Million sochuvstviy: Epigrammy* [A million sympathies: Epigrams]. Moscow: Kniga.
10. *Russkiy vestnik*. (1856–1887).
11. Research Department of Manuscripts of the Russian State Library (NIOR RGB). Fund 120. *Opis' arkhiva M.N. Katkova* [Inventory of the archive of M.N. Katkov].
12. Solov'yov, S.M. (1915) *Zapiski Sergeya Mikhaylovicha Solov'eva: Moi zapiski dlya detey moikh, a esli mozhno, i dlya drugikh* [Notes by Sergei Mikhailovich Solovyov: My notes for my children, if possible, for others]. Petrograd: “Prometey” N.N. Mikhaylova.

Received: 13 June 2018